

Памятник "Современным запискам"

Опубликовано 18.03.2012 16:00

Иван Толстой:

*У каждого свои волшебные слова.
Они как будто ничего не значат,
Но вспомнятся, скользнут,
мелькнут едва, —
И сердце засмеётся и заплачет.
Я повторять их не люблю; я берегу
Их от себя, нарочно забывая.
Они мне встретятся на новом
берегу:
Они написаны на двери Рая.*

*Нас больше нет. Мы все забыли
Взвихрясь в невиданной игре...
Чуть вспоминаем, как вы стыли
В каре, в далеком декабре,*

*И как гремучий Зверь железный
Вас победив — не победил...
Его уж нет, но Зверь из бездны
Покрыл нас ныне смрадом крыл*

*Наш конь домчался, бездорожен,
Безузден, яр — куда? Куда?
И вот, исхлестан и стреножен,
Последнего он ждет Суда.*

*Заветов тайных Муравьева
Свились напрасные листы...
Напрасно, Пестель, вождь
суровый,
В узле пеньковом умер ты, —*

*Напрасно все: душа ослепла,
Мы червю преданы и тле.
И не осталось даже пепла
От Русской Правды на земле.*

Иван Толстой: Это — Зинаида Гиппиус. Теперь стихотворение Надежды Тэффи:

*Благословение Божьей десницы
Над тем, кто грешил, обманул и убил.
И стоит у ложа каждой блудницы
С белой лилией Архангел Гавриил.*

И столько знамени, и столько знаков,

*Что находим и видим их, не искав.
Славен во век обманувший Иаков
И, обманутый, уничтожен Исав!*

*Гибель кротких! Радость темно-порочных!
И оправдан Варава, и распят Христос,
А мы на весах аптекарски-точных
Делим добра и зла единый хаос!*

*И, чтоб было равно и вышло гладко,
Обещаем награду в загробный срок.
Господи! Верие разума кратко!
Господи! Кладезь Твой так глубок!*

*Умираю... Гасну мыслью усталой...
И, как все, уйду, и, как все, не пойму.
И, плача, стараюсь свечою малой
Озарить великую Божью тьму ...*

"Современные записки" - главный и лучший журнал Первой волны русской эмиграции. 70 толстых томов вышли с 1920 по 1940-й год. Весь цвет изгнания напечатан здесь. Назовите любое эмигрантское громкое имя – и вы найдете на страницах этого журнала стихи, прозу и публицистику. Содержание журнала столь значительно, что недавно одно из петербургских издательств приступило к факсимильному переизданию всех номеров с научным комментарием. А параллельно, в Москве в издательстве "Новое литературное обозрение", выходят тома, содержащие редакционную переписку журнала. Сперва вышел сборник статей по истории издания (условно говоря, нулевой том), и вот передо мной первый том, озаглавленный "Современные записки: Из архива редакции". Если определить совсем коротко значение этого издания, скажу так: это праздник русской культуры. Непонятно, что вообще можно было изучать в этой области до появления этих томов.

С этим праздничным настроением я и позвонил в Москву одному из редакторов издания Олегу Коростелеву.

Олег Коростелев: Журнал "Современные записки" был организован пятью членами эсеровской партии, и, хоть это известная острота, ходившая в эмиграции - "А судьи — кто? Да пять эсеров" - и была очень актуальна, хоть реально организовывали журнал пятеро, но практически руководили им по-настоящему только трое. Николай Дмитриевич Авксентьев лишь номинально был организатором, но в дела журнала почти не вмешивался и мало ими занимался, Гуковский рано ушел из жизни, в 1925 году, и дальше, после 1925 года, журнал продолжали вести три человека — Вишняк, Руднев и Фондаминский.

Интересно, что это были три очень разных личности, предельно разных, что очень забавно. Руднев, мало того, что человек православный, но глубоко воцерковленный, он одновременно редактировал "Еврейскую трибуну", а Вишняк, наоборот, был ортодоксальным евреем, но впоследствии редактировал журнал "Русские записки". Вот так у них повернулась очень интересно жизнь. И в редакции журнала каждый из них занимал свою самостоятельную и уникальную позицию. Несмотря на то, что все они были эсеры, причем эсеры совершенно определенного толка, которые защищали свою

фракцию и свои эсеровские понятия от других эсеровских фракций, тем не менее, друг с другом у них были не то, что конфликты, но существенные разногласия по поводу того, как вести журнал, в том числе. В частности, Фондаминского больше, чем остальных, и, как это ни забавно прозвучит, больше, чем Руднева, влекли темы религиозные, что Вишняку совсем не нравилось. До начала 30-х годов эти конфликты как-то решались мирно и полюбовно, а именно введением, так называемой, "религиозной квоты" - в каждом номере журнала было выделено определенное место под статьи религиозного характера, и объём этих статей не должен был превышать определенного уровня. На это Вишняк согласие дал, коллегиально они все это решили, но Вишняк строго следил, чтобы, во-первых, не превышали лимита, а, во-вторых, чтобы там не было, как он это называл, "мракобесных статей", слишком ортодоксальных, из-за чего, кстати, в "Современных записках" так и не появились некоторые из довольно крупных религиозных мыслителей - их взгляды были все-таки с эсеровскими слишком различны.

А Фондаминского, наоборот, в эту сторону тянуло очень, и рано или поздно это должно было случиться - к началу 30-х годов он вынужден был организовать свой собственный отдельный, сепаратный журнал со Степуном, который назывался "Новый град", где его идея совмещения демократии и христианства, что для дореволюционного политика казалось странным очень, была-таки воплощена. Это уже после войны она перестала быть странной, когда появились многочисленные христианско-демократические партии в Германии, а также во многих других странах. Но в эмиграции (то есть, в России практически) первый опыт был как раз Фондаминского, это ему принадлежит идея, хотя самого названия такого тогда еще не было, но прототипом был как раз "Новый град". Это то, что не вошло в "Современные записки", но, тем не менее, внесло большой вклад в русскую религиозную философскую мысль. Хотя могло бы войти, если бы Вишняк был поговорчивее. Но на этом-то конфликте и произошел раскол в редакции "Современных записок". Он тлел с самого начала, вспыхивал неоднократно и в начале 30-х годов, а в середине 30-х годов достиг пика, апогея и завершился тем, что Фондаминский почти не играл роли в журнале, Вишняк совершенно официально вышел из редакции, и последние номера журнала редактировал уже почти единолично только Руднев. От чего, кстати, они не проиграли.

Илья Фондаминский

Стороннему человеку, который берет и смотрит содержание этих журналов, будет невдомек, что членов редакции было сперва пять, потом три, а потом и вовсе один - ничем один номер от другого не отличается - что в 20-е годы, что в конце 30-х. По набору имен, причем, звезд и суперзвезд, каждый из номеров "Современных записок" совершенно потрясающий. По такой густоте, по набору равных журналов в истории русской журналистики не было ни до революции, ни, тем более, в советское время.

Если взять даже самые знаменитые советские журналы - "Новый мир", "Знамя", "Октябрь" - или журналы более консервативного направления, в них было много интересных материалов, но на единицу журнальной площади сразу такого количества критиков, философов, блестящих прозаиков и поэтов, наверное, не было никогда. Если взять любой номер, даже самый последний, 70-й, где открываются и подряд идут Бунин, Набоков, Алданов, Адамович, Ходасевич, Гиппиус - только эти суперзвезды. Такое, видимо, невозможно было осуществить даже технически, и "Современным запискам" именно потому и повезло, что они были практически единственным толстым журналом, который ухитрился соблюсти правило "все флаги в гости будут к нам" - они сумели

привлечь в беллетристике, в прозе и в поэзии реально все "флаги". То есть, прозу Бунина они печатали охотно, а публицистику Бунина они в своем журнале вряд ли бы допустили, она была для них слишком монархически-консервативная. Тем не менее, как автор беллетристики он был не просто на первых ролях, они его упрашивали и умоляли печататься в журнале. И расклад ролей у них был такой: Бунаков-Фондаминский был "собирателем земли русской", он всех упрашивал, уговаривал, привлекал, а Вишняк, наоборот, вел отбор и все время кого-то потихоньку пытался оттеснить, как-то проредить, какую-то направляющую линию журнала выдержать, и больше следил за идеологической стороной журнала. Но иногда находили и он, и даже Руднев в беллетристике какие-то моменты, которые их не вполне устраивали. Однако, даже находя такие моменты, чаще всего они, наступая на горло собственной песне, печатали такие тексты. И только если тексты переходили уже все границы, с их точки зрения... Ну, например, редкий случай с романом Набокова "Дар", где целая часть романа была посвящена биографии Чернышевского, причем в очень неприглядном свете, с точки зрения правоверного революционера. То есть, он был выведен не кумиром и образцом, а реальным человеком со своими слабостями и недостатками. Этого уже эсеры стерпеть не смогли, и мягко, деликатно, но очень настойчиво заставили Набокова обойтись без этой главы. В результате, роман целиком вышел только после войны, а в "Современных записках" именно четыре части были напечатаны. Таких случаев было все-таки немного, в остальных случаях они скрипели зубами, стонали, но беллетристику печатали.

А вот что касается линии политической, то есть второй пагинации журнала, второго раздела, общественно-политической и идеологической части, там они вели отбор гораздо более строгий. Там ни монархисты, ни фашисты, ни близкие им по духу, но все-таки занимающие другую сторону, другую фракцию даже в эсеровской партии, не говоря уже о кадетской, там многое из этого не допускалось. И иногда доходило до вещей достаточно серьезных. Скажем, экономист Бруцкус, будучи свято убежденным в том, что социализм неверен в корне, в основании своем, что социалистическая экономика не может быть никакой другой, кроме как советской (то есть он был убежден, что то, что получилось у большевиков, это и есть реальный социализм, и никакого другого быть не может), это для правоверных социалистов и эсеров, в том числе и Вишняка с Рудневым, было просто оскорбительным. Поэтому они сперва его переправили с "да" на "нет", а когда он возмутился этим, потихоньку перестали его печатать на такие темы и прямо ему написали, что мы не можем себе позволить такого, это полностью расходится с нашим пониманием всей исторической роли партии и всего российского движения. В этом их трудно упрекнуть - в конце концов, они так думали всю жизнь и старались выполнять все, что было задумано. К счастью, таких случаев было буквально по пальцам пересчитать, все остальное они терпеливо сносили, либо отдавали на откуп двум консультантам журнала - консультанту по прозе Степуну и консультанту по поэзии Цетлину. Все, что принял Цетлин (считалось, что он больше из них всех понимает в поэзии), они печатали безоговорочно, даже если это было что-то для них непонятное. Они печатали Цветаеву, в которой не понимали ничего и прямым текстом говорили: мы в этом ничего не понимаем, но Цетлин сказал, что это замечательно, гениально, значит, мы это печатаем, потому что мы печатаем все лучшее, что было в эмиграции. Вот этот принцип они свято соблюдали, и это было объективно.

Действительно, в журнал вошло все лучшее, что было создано в эмиграции, причем, пропорционально. Скажем, такой, мягко говоря, не самый последний автор как Куприн, попал в "Современные записки" только один раз со своим романом "Жанета", на мой взгляд, действительно лучшим из его эмигрантских произведений. Все остальное у Куприна было опубликовано в других изданиях. У Зурова они взяли только фрагменты одного из романов, а Тэффи они не брали вообще.

Николай Авксентьев (в центре)

Но вот если взять весь корпус написанного в эмиграции и посмотреть, что вошло в "Современные записки", то трудно не согласиться, что все-таки все лучшие части так или иначе профигурировали в "Современных записках". И, зная, что журнал делался людьми, которые совершенно официально заявляли, что мы не очень хорошо понимаем в литературе, мы - политики, общественные деятели, не литераторы, поэтому делаем, как можем, видя это, нельзя не признать, что они сделали не просто все, что могли, но гораздо больше - журнал получился великолепный. Так что повторить такое невозможно будет хотя бы потому, что это невозможно просто технически.

Во все времена и эпохи, как до "Современных записок", так и после, существовало несколько изданий, которые конкурировали друг с другом. "Современные записки" не имели конкурентов, кроме газет, что все-таки несколько другая вещь. Газеты были серьезными конкурентами по гонорарному принципу - "Последние новости" Милюкова и "Возрождение" Гукасова могли заплатить гораздо больше, чем "Современные записки", и тут Фондаминскому приходилось уговаривать, скажем, Бунина самыми разными способами. Все время говорили ему: "Иван Алексеевич, вы опять утопите свое произведение в "Последних новостях", где о нем, как опубликованном в любой газете, вскорости забудут, все-таки газета - это газета, а журнал - это журнал, а у нас вы гремите, и гремите только со страниц "Современных записок". И это была правда. Получил бы Бунин, разумеется, гонорары больше в "Последних новостях", но многие из его рассказов, опубликованных в "Последних новостях", были найдены не сразу, а были, что называется, "затеряны в периодике". А все, что было опубликовано в "Современных записках", все это звучало и тогда, и продолжало звучать во все остальные эпохи. Так что Бунаков-Фондаминский совершенно справедливо уговаривал его.

Марк Вениаминович Вишняк - крупный общественно-политический деятель, тоже юрист, правовед и ярый публицист, обильно и много пишущий, из ортодоксальной еврейской семьи, окончил юрфак и параллельно учился на медицинском факультете (как-то они умели тогда совмещать, может быть, тогда больше возможностей для этого было), так же, как и Авксентьев, принимал участие в студенческих демонстрациях, арестовывался, одним из первых вступил в эсеровскую партию, как и Авксентьев, печатался в партийных журналах, бывал на нелегальном положении, скрывался. Вот биографии их дореволюционные - довольно интересные, потому что это был самый центр революционного движения. Если кадеты была самая образованная партия, то эсеры была самая буйная, и неспроста при выборах в Учредительное Собрание большинство голосов было набрано эсерами, большевики и кадеты такого не набрали. Вишняк много писал и печатался уже тогда, избирался делегатом на всякие съезды, начиная в Первого съезда Партии эсеров, ссылался, жил в Сибири, бежал, жил в Финляндии, в Германии, возвращался по фальшивым паспортам в Россию, снова высылался. Вот эти бурные биографии у них у всех были очень интересные, о них впору писать если не детективы, то хотя бы авантурные романы, там было для этого содержание. После Февральской революции Вишняк вошел в состав Московского комитета Партии эсеров, редактировал газету "Труд" (это был орган эсеровского комитета) сперва в Москве, потом переехал в Петербург и там продолжал ту же деятельность, избирался гласным, секретарем Временного совета. Октябрьскую революцию отверг с самого начала - большевики были злейшие враги, - был арестован сразу же, 23 ноября 1917 года. Он был тогда членом Всероссийской комиссии по выборам в Учредительное Собрание, тогда и был избран членом Учредительного Собрания и,

соответственно, по списку от партии эсеров на первом и единственном собрании Учредительного Собрания был избран его секретарем. Это был пик его карьеры. А после роспуска Учредительного Собрания перешел на нелегальное положение. С 20-го года стал одним из основателей и членом редколлегии "Современных Записок". Это была не единственная его редакторско-публицистическая должность, но наиболее знаменитая, наверное.

Марк Вишняк

Вишняк вел также широкомасштабнейшую журналистско-публицистическую деятельность в самых разных изданиях, причем, не только эмигрантских, он печатался также и во французской печати, и в немецкой, и на идише, а позже и на английском тоже, и, кроме того, ухитрялся одновременно преподавать на юрфаке при Institut d'Etudes Slaves, был приват-доцентом Парижского университета, был одним из основателей Франко-русского

института, там состоял профессором несколько лет, читал курс в Академии международного права в Гааге, выступал с гостевыми лекциями, с университетскими лекциями, а также с публичными докладами в Париже, в Праге, в Риге, в Ревеле - по всей Европе. Много печатался в научной периодике как юрист. Кроме того, был членом редколлегии эсеровского издания "Свобода", с 1937 был членом редколлегии журнала "Русские записки". И опубликовал ряд книг на русском и французском языках - о Ленине, об Учредительном Собрании, о Леоне Блюме, о докторе Вейцмане. То есть, успел очень много.

Накануне вторжения Германии во Францию он, как и большинство его друзей, отплыл на пароходе в США. В 1940 году прибыл в Нью-Йорк, где продолжалась еще долго его биография - он был долгожителем, пережил всех своих коллег - и творчески работал очень плодотворно еще целый кусок жизни, это продолжалось еще 30 лет, даже больше. Он был редактором и сотрудником "Тайм" и до конца жизни - консультантом по русским вопросам в "Тайм", сотрудничал с "Новым русским словом", в "Социалистическом вестнике", в американской периодике печатался, входил в состав ряда антикоммунистических организаций, преподавал на курсах при Корнелльском университете, а потом на курсах в Колорадо. Прожил до 75 лет, еще работал, причем активнейшим образом. И он написал обо всех мемуары, опубликовал три больших книги воспоминаний.

Иван Толстой: "Современные записки" - главный и лучший журнал Первой волны русской эмиграции. 70 толстых томов вышли с 1920 по 1940-й год. Здесь печатался весь цвет изгнания.

*Я, я, я. Что за дикое слово!
Неужели вон тот - это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего как змея?*

*Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачный балах, -
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?*

*Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть,-
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?*

*Впрочем - так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины - к причине,
А глядишь - заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.*

*Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами,-
Только есть Одиночество - в раме
Говорящего правду стекла.*

Это Владислав Ходасевич. Теперь — Наталья
Крандиевская.

*Не окрылить крылом плеча мне правого,
Когда на левом волочу грехи.
О, Господи, — я знаю, от лукавого
И голод мой, и жажда, и стихи.*

*Не ангелом-хранителем хранима я —
Мечта-кликуша за руку ведет,
И купина Твоя неопалимая
Не для меня пылает и цветет.*

*Кто говорил об упоенье вымысла?
Благословлял поэзии дары?
Ах, ни одна душа еще не вынесла
Бесследно этой дьявольской игры!*

Недавно московское издательство НЛЮ приступило к выпуску редакционной переписки создателей "Современных Записок". Большую вступительную статью об истории журнала написал немецкий исследователь Манфред Шруба. Я попросил его рассказать о журнале как о хозяйстве, о финансовом предприятии, о политике, скрытой от читателей и потомков. Без этого аспекта не понять ни устойчивости издания, ни его долговечности.

Манфред Шруба: Чтобы понять ситуацию этого явления - "Современных записок", - нужно в общих чертах восстановить этот историко-культурный контекст. Дело в том, что "Современные записки" были во многих отношениях явлением редким, даже исключительным. Я назову четыре особенности этого журнала.

Первая особенность касается самого характера этого журнала. Периодических изданий русской эмиграции Первой волны насчитывается довольно много, в одной лишь Европе - более чем 1300 названий. Между тем, "Современные записки" это один из

немногочисленных литературно-художественных журналов и едва ли не единственный эмигрантский толстый журнал дореволюционного типа.

Во-вторых, исключительной была для эмигрантских мерок также долговечность журнала. Периодические издания эмиграции в большинстве случаев существовали недолго, зачастую закрывались даже после первого номера. "Современные записки", напротив, существовали целых двадцать лет, с 1920 по 1940 год, выпуская на протяжении всего этого периода регулярно 3-4 номера в год.

Третья особенность - у "Современных записок" были, по сравнению с другими журналами, исключительно большие тиражи. Именно по сравнению с другими эмигрантскими журналами. Тираж обычного эмигрантского журнала насчитывал 300, максимум 500 экземпляров. Тираж "Современных записок" в лучшие времена достигал 3000 экземпляров, в среднем это было 1500-1800 экземпляров.

И еще одно исключительное явление - "Современные записки" были одним из немногих журналов, едва ли не единственным, которые платили своим авторам гонорары. Это действительно большое исключение в эмиграции. Я не говорю о газетах, я говорю о журналах именно - там гонорары были явлением практически не встречающимся.

Вот при всех этих особенностях один немаловажный факт объединял "Современные записки" со всей остальной эмигрантской периодикой, а именно - журнал не был самокупаемым. Вообще, периодика эмигрантская не была самокупаемой. Другими словами, журнал нуждался в финансировании со стороны, и отсутствие средств было основной причиной недолговечности периодических изданий мира.

И возникает вопрос: каким образом удалось "Современным запискам" просуществовать 20 лет, печататься сравнительно большими тиражами и еще выплачивать своим сотрудникам гонорары, причем отнюдь не символические? Ответ на этот вопрос достаточно сложен, так как источников финансирования было несколько. Основным спонсором было Чехословацкое правительство, которые выплачивало журналу субсидии на протяжении всего периода существования. Первые два-три года чехи финансировали "Современные записки" практически полностью, затем эти субсидии постепенно уменьшались. Чехословакия в 20-е годы вообще сильно поддерживала русских эмигрантов социал-демократического толка, точнее, социал-демократического толка в сегодняшнем понимании: революционеры-социалисты на сегодняшнем языке - это были социал-демократы. Чехословакия поддерживала русских социал-демократов в рамках Русской акции, финансируя эмигрантские организации в стране, то есть в Чехословакии. "Современные записки", однако, выходили не в Праге, а в Париже. В связи с этим журнал не мог финансироваться официально Русской акцией, дотации заграничной периодике выплачивались чешским правительством тайком. Это была действительно тайна, которую редактор журнала Вишняк считал нужным сохранять еще в 1957 году, утверждая в своих воспоминаниях о "Современных записках", что журнал получал дотации лишь в первый месяц своего существования. Между тем, это не так. По архивным документам установлено, что эти платежи следовали вплоть до конца 30-х годов.

Как известно, в 1929 году разразился мировой кризис, который коснулся также Европы и Чехословакии, и одним из последствий это кризиса было то, что прекратилась также Русская акция, она прекратилась примерно в 1931 году, десять лет спустя после своего начала. Чехословацкое правительство сильно уменьшило дотации для заграничной прессы, и, когда это случилось, "Современные записки" чуть не закрылись - именно тогда, в 1931-32 году, возник вопрос о закрытии журнала. Чтобы обеспечить выход журнала, редакторам

пришлось принимать различные меры, чтобы покрыть дефицит. В 1932 году, к выходу юбилейного, 50-го номера журнала, было, в частности, основано Общество друзей "Современных записок", занимавшееся поиском подписчиков и спонсоров, а также сбора денег. В 30-е годы проводились, например, вечера с докладами, масленичные ужины с музыкальной программой и прочие мероприятия. Доходы с этих начинаний шли на финансирование журнала. Были также случаи крупных пожертвований со стороны состоятельных русских эмигрантов. Так, композитор Сергей Рахманинов несколько раз дарил журналу значительные суммы денег.

Иван Толстой: А на этом хозяйственном и финансовом фоне не возникало никаких конфликтов?

Манфред Шруба: Конфликты в редакции существовали, их было много на протяжении всей истории, но они не были связаны с финансированием. Этот вопрос не вызывал конфликтов, конфликты были связаны с политическими и мировоззренческими разногласиями в редакции. Насчет финансирования, по тому, что я вычитал из публикуемой нами переписки, не возникало конфликтов - деньги платило Чехословацкое правительство, за ними нужно было ехать в Прагу, заниматься лоббированием, выпрашивать буквально эти деньги, деньги надо было получать от продажи журналов, так что редакторы думали над вопросом, как сделать журнал интересным. Это тоже было полем для конфликтов, поскольку возникали разногласия: стоит ли печатать того или иного автора, более или менее не коммерческого или более или менее коммерческого, читаемого.

Стоит учитывать, что журнал финансировался из продажи экземпляров примерно наполовину. Продавалось, скажем, из общего тиража примерно 1000 штук, один экземпляр стоил 10-15 франков в продаже, что давало общую сумму прибыли на 10-15 тысяч. Это покрывало примерно половину стоимости одного номера журнала, а вторую половину надо был восстановить. Стоимость одного выпуска книги, 500-страничного толстого журнала - примерно 25 тысяч франков. В эту сумму входили гонорары двух из четырех членов редакции, два остальных члена в гонорарах не нуждались: Фондаминский был богатым человеком, у него была доля от чайной фирмы, второй, Авксентьев, номинальный член, который почти не сотрудничал, служил в другом месте и получал там оклад. Так что деньги получали Вишняк и Руднев. Но надо было также оплатить расходы типографии за набор, за корректуру, надо было заплатить гонорары писателям. Причем, гонорары были достаточно большие - за лист романа платили, в зависимости от значимости писателя, от 400 до 600 франков. Так что роман в десять листов - это 4000 тысячи франков. Это были очень большие расходы для журнала, который, тем не менее, шел на это, чтобы не потерять гвоздей своего журнала - Бунина, Алданова и других писателей, которые были профессионалы, которые тоже нуждались в этих гонорарах, естественно.

Иван Толстой: А проблемы с нелегальным финансированием редакторов не тревожили? Ведь если журнал поддерживало правительство Чехословакии и об этом открыто не говорилось, то как вели себя налоговые службы Франции?

Манфред Шруба: Я не думаю, что тайна заключалась в том, чтобы избежать уплаты налогов, тайна заключалась, скорее всего, в том, чтобы не возникло впечатление, что правительство одной страны влияет на прессу другой страны, в этом состояло опасение. Ведь когда нацисты пришли к власти, фашистские специалисты пропаганды добрались до архивов, до тайной Третьей секции министерства иностранных дел и обнаружили эти документы. И в 1943 году была опубликована на чешском и на немецком языках книга некоего Рудольфа Урбана, в которой, в целях пропаганды, миру было рассказано, что Чехословацкое правительство финансировало еврейскую, масонскую и демократическую прессу - как будто это было большое преступление. Именно с целью избежать впечатления

влияния на иностранную прессу это держалось в тайне. Это не было нелегальным ни со стороны чешской, ни со стороны французской - деньги переводились нормально из Праги во французские банки, причем, достаточно большие суммы. В этом смысле это не составляло для банковских и налоговых служб тайны.

Иван Толстой: Манфред, а в этом немецком издании 43-го года называлось имя – "Современные записки"?

Манфред Шруба: Да, конечно, там есть именно фотографии документов, где представлены таблицы с изложением, сколько было заплачено какому журналу, в том числе, упоминаются "Современные записки". Причем, деньги получали не только "Современные записки", но и "Последние новости", и другие журналы, которые находились в руках или политиков республиканско-демократического направления, как Милуков и "Последние новости", и, в особенности, эсеров, социалистов-революционеров, в частности, "Воля России" (но это - еще в Праге, в рамках Русской акции), но, в первую очередь, "Современные записки", а также "Дни", тоже эсеровская газета. Документы содержат названия, суммы, когда и кому что было заплачено и другие подробности. В этом издании, которое мы публикуем, мы печатаем часть этих документов и других, из того же архива министерства иностранных дел, с воспроизведением фотокопий из этого архива. Расписка Руднева (кажется, последняя расписка, которую я там обнаружил) - он расписался в получении сорока тысяч франков в 1938 году. Это год, когда начался распад государства Чехословакия, присоединение Судетской области, затем последовало образование Протектората Чехии и Моравии и конец государства Чехословакия, как такового. Что для "Современных записок" разразилось, конечно, очередной финансовой катастрофой, потому что именно в 1939 году финансовая ситуация "Современных записок" стала отчаянной, они стали придумывать отчаянные меры. Руднев, который к этому времени остался единственным редактором, перестал выплачивать себе гонорар, он работал бесплатно. Он работал на фабрике маргарина, с понедельника до пятницы, занимаясь бесплатно в субботу и воскресенье журналом. Так что это граничит с чудом, что в 1940 году вышел последний, 70-й номер. Это почти чудо, потому что все остальные журналы прекратились с начала Второй мировой войны, в сентябре 1939 года. Прекратились "Русские записки", у которых был свой спонсор из Китая, богатый предприниматель, прекратилась "Иллюстрированная Россия", у которой тоже был свой читатель и сравнительно большой тираж. Так что Руднев, уменьшив тираж, сократив гонорары, самоэксплуатируя себя, добился того, что еще в марте 1940 года вышел последний, 70-й номер журнала.

Иван Толстой: Манфред, а как-то спасало положение возникновение при журнале издательства с одноименным названием – "Современные записки"? И когда оно возникло?

Манфред Шруба: Идея образования издательства "Современные записки" возникла у Фондаминского, который был одним из основных моторов и журнала, и издательства. Эта идея возникла в конце 20-х, кажется, в конце 27-го - начале 28-го года. Имеется переписка с Буниным на эту тему. Первая книга была опубликована в сентябре 1928 года и в течение следующих лет было опубликовано примерно 53 книги в этом издательстве. Издательство было сугубо некоммерческим, оно не приносило прибыль журналу, скорее — наоборот, поскольку некоторые книги печатались в кредит и авторы должны были отработать эти книги будущими публикациями в "Современных записках". Иногда этого не получалось, например, в случае Ходасевича, который брал авансы для будущих книг, в

частности, аванс на книгу о Пушкине, которую он писал всю жизнь, но так и не написал, и все деньги пропали.

То же самое было с Буниным, который напечатал в издательстве "Современные записки" четыре книги, которые финансировал ему Фондаминский. Эти деньги Фондаминский увидел только после того, как Бунин получил Нобелевскую премию в 1933 году. После этого вырос спрос на эти книги, он смог что-то продать и получить назад.

А в остальном книги издательства финансировались большей частью самими авторами, это было издательство без капитала, это была, в сущности, марка, в то время очень важная, очень высокой пробы марка, потому что журнал был очень авторитетным. Но писатели, которые хотели опубликовать что-то в этом издательстве, должны были большую часть тиража финансировать сами.

Часть финансировал книгопродавец по фамилии Закс, который тоже разорился на этом деле, в 1931 году объявил неплатежеспособность, что тоже привело к дополнительным расходам издательства.

Так что нельзя говорить о том, что это начинание, издательство "Современных записок", как-нибудь помогло в финансировании журнала. Это были два разных ведомства, которые, тем не менее, были связаны одним и тем же кругом редакторов. Особенно Фондаминский как состоятельный человек чувствовал себя обязанным финансировать потери, которые время от времени возникали от продукции.

Иван Толстой: И в завершении программы я попросил Олега Коростелева хотя бы кратко остановиться на судьбе Вадима Руднева и на том, какое участие он принимал в работе журнала.

Вадим Руднев

Олег Коростелев: Четвертый член редакции - Вадим Викторович Руднев — принял, может быть, самое большое участие из всех пяти человек. Родом из Воронежской губернии, врач по образованию и профессии, общественный и политический деятель. Он из дворян, окончил гимназию и учился на медицинском факультете в Московском университете, так же как все был исключен практически через год за участие в студенческих волнениях, поэтому учился вместе с Зензиновым в Берлинском университете, и точно так же, как его друзья, принимал участие в революционном движении. Высылался в Сибирь, как только была организована партия эсеров, стал ее активнейшим членом, был одним из руководителей Московского комитета во время первой русской революции, членом ЦК с 1907 года, арестовывался не раз и освобождался, ранен, как и Гуковский, только раньше, в 1905 году, во время декабрьского восстания московского. Был делегатом Первого съезда от Московской организации эсеров, по возвращении со съезда был арестован и выслан в Туруханский край, где известно кто находился немножко в другое время. Но вскорости эта мера была заменена высылкой за границу, откуда вскоре Руднев вернулся в Россию и перешел на нелегальное положение. Вскорости снова был арестован и выслан, теперь уже всерьез, в Енисейскую губернию, там провел четыре года, после чего смог выехать за границу и кончил, наконец, медицинский факультет, но уже не в России, а в Базеле. А во время Первой мировой войны вернулся в Россию из патриотических побуждений, был врачом госпитального судна на Волге, а потом, ни много, ни мало - земским врачом Московской губернии. В 1917 году он возглавлял Московский комитет партии эсеров и был московским городским главой. Уже в октябре 1917 года он был председателем Комитета общественной безопасности, противодействовавшего захвату власти большевиками. Большевицкий переворот неожиданностью для него не был. Они стали бороться с этой опасностью еще до того, как она набрала решающую силу. В том же году

участвовал в вооруженном противостоянии большевикам в Москве, а после того, как все это дело провалилось, уехал в Петроград, участвовал там в подготовке Учредительного собрания, избирался депутатом, а после разгрома Учредительного собрания перешел на нелегальное положение. Был членом "Союза возрождения России", как они все, был руководителем Земгора. Ему в Поволжье пробраться не удалось - там эсеры подняли восстание и стали членами Уфимской директории, а он не смог в Поволжье пробраться, поэтому он доехал только до Киева и оттуда они вместе с Фондаминским отправился на Северный Кавказ для связи с Деникиным. Руднев принимал участие в совещании в Яссах (это было совещание антибольшевистских сил с союзниками), в Румынии, в ноябре 1918 года. И вместе с Фондаминским и Алдановым они уехали из Одессы через Марсель в Париж в апреле 1919 года. В эмиграции Руднев оставался одним из руководителей Земгора, каким он был еще в России, с 1921 был членом Комитета парижского Земгора по оказанию помощи российским гражданам за границей и делегатом Международного конгресса помощи детям в Женеве. Вот на этих должностях он проявил себя очень серьезно, и во всех изданиях, посвященных делу воспитания и образования в эмиграции, всегда упоминается его фамилия как одного из наиболее крупных деятелей, посвятивших много сил этому вопросу. Он не выехал из Франции, как многие его друзья. С началом фашистской оккупации, когда начались обстрелы Парижа, он с женой ушел пешком из Парижа, добрался только до По. Ему перелагали выехать, но у него открылся рак и выехать он не смог. После операции он скончался от рака, мечтая о "Современных записках". Последние письма, которые приходили от него авторам "Современных записок", читать очень тяжело - несмотря на очень трудную жизнь, крушение всех надежд, он до самого конца продолжал мечтать, что он издаст еще и следующий, 71-й номер "Современных записок". Это душераздирающее чтение.

Иван Толстой: На этом мы заканчиваем разговор о выходе в издательстве НЛЮ первого тома редакционной переписки лучшего эмигрантского журнала "Современные записки". Повторю, что, на мой взгляд, отныне изучение истории русского изгнания выводится на совершенно иной качественный уровень. А русскую культуру могу поздравить с настоящим праздником.

<http://www.svoboda.org/content/transcript/24520051.html>